

*Прошлое, хранящееся в памяти,
есть часть настоящего.
Тадеуш Котарбиньский*

ПОД ВАНТОВЫМ КРЫЛОМ

Легкий — по флагам расцвечивания — бриз.

Вдоль Золотого Рога, гулкой, втиснутой в сердцевину города морской бухты, прогуливаются японские туристы. Их Asuka II, многопалубный круизный лайнер, и теперь веско красит центр Владивостока, но уже не так высок, каким казался в начале тысячелетия.

И саму бухту, еще десяток лет назад особо не бросаю, и чистое небо над ней взорвал саммит АТЭС. К его открытию, к сентябрю 2012 года, в солнечную высь вонзились двухсоттридцатиметровые пилоны, утянув за собой на недосягаемую для мачт высоту без малого полуторакилометровое — на всю водную ширину — полотно подвесного моста, нареченного горожанами дубликатным, Золотым, именем.

Пятизвездочная, в семнадцать этажей, гостиница «Хаятт» туристов не волнует. А я и вовсе принять ее не могу. Под вантовым крылом моста она захватила уютный пятачок, смахнув с тридцать шестого причала вокзал прибрежных сообщений, — в пику историческому городскому укладу. Но главное — перекрыла живое общение с Золотым Рогом невысокому строению-уголку, заслонив его от бухты. А он, этот трехэтажный особнячок, целый век отсюда, с угла Корабельной набережной и улицы Петра Великого (одно время Первого Мая), радовал классическим архитектурным колоритом ходившие мимо парусники, трамвайчики, сейнера да военные корабли, украсившие себя в это утро, в день рождения города воинской славы, гирляндами разноцветных флагов.

Прикрывая ладонями глаза и объективы, туристы снимают на камеры Золотой мост. К грандиозному сооружению я еще не привык, и все же каждый раз внимание мое неизменно перехватывает неприметное, будто затаенная реликвия, полуподвальное окно особнячка. До 1990-х к дому примыкал крохотный дворик с густыми кронами рослых ильмов. Нынче — за счет них — аляповатые приделки-флигеля с мансардами да лениво встречающие утренний ветерок «штандарты» фирм-новоселов.

Путевые заметки, очерки — верные мои спутники: учебники, вдохновители. Шаги по земле обильно питаются солнцем, лунным светом, скопищами звезд — им нужно куда-то вращаться. Бури, проливные дожди, океанские волны — тоже попутчики. Дни и ночи под открытым небом переплетают тропы — свои и чужие.

И скручивают судьбы.

Я в пути.

Узик рвет камни, вытуживаясь на Снежную. По-над обрывом одолевает последнюю крутизну — и мы на седьмом небе, над великой Уссурийской тайгой, над ее притихшим тигрово-женьшеневым сумраком.

Щедра облитой солнцем горе звонко лопочет о своем рождении исток Усури, сочащийся из расщелины скалы, разломленной корнем коренистой березки. Корешку нужно было обрести свое место под солнцем — всего лишь куда-то вращаться...

— Погодка-то, а?! — кивает на синий, без единого облачка щемящий простор Гена, старожил-сихотэалинец. — Редкая для тундровых высот чистота. Но изменчива, как вредная тетка.

Во все стороны — разновысокие вершины. Куртины микробиоты, приморского эндемика, наглухо сплелись с кедровым стлаником и повалились, облитые кипятком солнца, — не очень-то разгонишься по этой непролазне. Но оглядеться из поднебесья они, как и карликовые березки, не помеха. С тысячащестьсотсорок-мидесятидвухметровой высоты Снежной глаз цепляет островатый водораздел — за двумя отрогами. Там в 1906 году, во время своей крупнейшей экспедиции, прошел Арсеньев, перевалив Сихотэ-Алинь.

Это его путешествие — «По Уссурийскому краю» — в руках. Кое-какие страницы, будто заломки на ветвях подлеска, теребят мое сердце — многие детали местности до боли знакомы.

...Арсеньев шел не один. Отряд из двадцати одного человека достиг гребня хребта шестнадцатого июня, и у могучего кедра, возле кумирни, стал на привал. Восхождение началось от Илоайзы (нынешней деревеньки Антоновки) по древней, каким-то чудом уцелевшей тропе бохайцев, чье селище тринадцать веков назад стояло у моря, на месте теперешней Ольги, поселка.

Проводник, старик китаец, поклонился молельне. Его договорная работа кончилась. Повернувшись к востоку, он вскинул руку.

— Река Вай-Фудзин, — указал дальнейший путь.

По Вай-Фудзину (Аввакумовка) отряду предстояло выйти к заливу Святой Ольги, и двадцать первого, на тридцать третий день похода, начавшегося от Шмаковки, он туда прибыл. За китайскими фанзами виднелось русское селение, Пост Ольги. К нему и направились.

Люди и лошади измучились тяжелой, с гнусом и буреломом, дорогой, изорвалась одежда, вышел провиант. Для отдыха и в ожидании идущего морем из Владивостока груза отряд разбил лагерь.

Ознакомившись с окрестностями, Арсеньев предпринимает поход-шестидневку через Ольгинский хребет: поднимается по реке Сыдагоу (Васильковка) к Тазовской горе (Половинкина), а по Сандагоу (Минеральная) спускается к Аввакумовке — недалеко от ее устья...

В начале восьмидесятых на корабле Тихоокеанского флота мы вели контроль за рыбным промыслом в экономической зоне СССР. По штормовому предупреждению

укрылись в заливе Ольги, встали на якорь, а утром следующего дня, пока погода тепрела, решили осмотреть Аввакумовку.

Моряки дружно гребли, шестивесельный ял ходко поднимался по руслу. Вдруг за кривуном — ряд балбер поперек реки: рыболовная сеть. На берегу — желтый миллицейский узик, люди в погонах, костер, застолье, из мешков торчат рыбы хвосты. Заметив нас, убрали бутылки, поднялись. Мы высадились, представились. Лов оказался браконьерским. В мои обязанности входило составление протокола. Блюстителю порядка документы предъявить отказались. Я обратился к командиру осмотровой группы: сеть и улов подлежат изъятию. Записал номер машины, достал фотоаппарат — сделать два-три снимка. Один из служивых, капитан, выхватил пистолет, заорал:

— Кто вы такие, чтоб здесь хозяйничать?! Убери фотоаппарат! Ваше дело — море! У нас тут своя рыбинспекция! Не трогать!

И, передернув затвор, приказал своим:

— Не подпускать!

Моряк, по приказу командира, вскинул на изготовку автомат.

— Ты что?! — рявкнул капитан. — Он же пацан! Нажмет — и крышка!

Немедленно вмешиваюсь:

— Едем в отделение разбираться! Уберите оружие! — И становлюсь между вооруженными людьми.

Капитан, в упор глядя то на меня, то на командира, оценивает наши возможности, реальность выполнения намерений. Кажется, взвешивает все «за» и «против». Наконец, осознав уязвимость своего положения, убирает пистолет.

— Ладно, уезжаем...

— Документы предъявите.

— Да что ты прицепился?! Вот мои документы! — хлопнул ладонью по погону.

— Вы обязаны предъявить! — настаиваю я.

Он нервно поиграл желваками и аккуратно, двумя пальцами, достал из кармана служебное удостоверение, демонстративно раскрыл. Я записал фамилию. И остальных тоже.

— Для себя не ловите, что ли? — зло бросил капитан и язвительно добавил: — Хотя... зачем вам ловить... Забирайте, раз уж вам нужней.

Протокол милиционеры подписывать не стали.

— Посмотрим, что вы за птицы! — пригрозил капитан, уезжая.

Но против выписки из судового журнала, фотографий и двух рапортов, моего и командира, аргументов у милиционеров не нашлось. Их уволили...

Официальная задача арсеньевской экспедиции 1906 года — обследование отдельных участков Сихотэ-Алиня, морского берега и верховьев рек Уссури и Имана с «естественно-исторической» целью. Ее определил Приамурский отдел Русского географического общества — как теперь известно, лишь номинальный организатор похода. Совершенно очевидно: военное ведомство было крайне заинтересовано в «разработке» Уссурийского края — на фоне милитаристских успехов Японии 1904–1905 годов. Срочно изучить местность, дать рекомендации по сооружению укреплений и прокладке дорог и предстояло тридцатитрехлетнему штабс-капитану штаба Приамурского военного округа Владимиру Арсеньеву.

Но и с браконьерами приходилось иметь дело. Отряд уничтожал зверовые фанзы и лудевы — скрытые ямы для ловли животных. Происходили и стычки.

С помощью местного жителя Бунина Арсеньеву удалось собрать богатый гербарий в окрестностях Ольги, познакомиться с бытом переселенцев и аборигенов, а по геологическому строению почв сделать замечательный вывод о значительном наступлении суши на море в устье Аввакумовки.

В один из тихих вечеров, у потрескивающего сучьями костра, Арсеньев, обобщая дневные наблюдения и слушая шорохи леса, вспомнил юность, Петербург, книги о походах Пояркова, Хабарова, Пржевальского. Сбылась его заветная мечта! — он в святая святых дремучей Усурийской тайги. Сколько сил приложено к этому! Армейская школа, три рапорта о переводе на Дальний Восток — и, наконец, отъезд из 14-го Олонецкого полка, из-под Варшавы. И вот он, Владивосток! — пятого августа 1900 года...

С места, где сейчас стою, видна и Тазовская — вон ее макушка.

«Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла рассеялась, и открылся великолепный вид во все стороны», — писал Арсеньев, глядя на Снежную.

Эх, если бы не сто лет между двумя солнечными днями...

ПУЛЬСЫ ГОР

Брусничники, лишайники, огненные соцветия — на каждом шагу. Флора высокогорья низкоросла, но так насыщена красками и ароматами! — пантеон парфюмерного царства. Короткое туманное лето принуждает цветковые растения полыхнуть единым стелющимся пламенем, изо всех сил завлекая мошек и пчелок. А иначе угаснет радужная жизнь, тысячелетиями седлавшая каменистые склоны. А вот травоядных животных горные растения эфирными маслами отпугивают напрочь — эволюционное приспособление. Самый грозный страж — белый ясенец. В безветренную жаркую погоду один его кустик выделяет столько фитонцидов, что, если чиркнуть спичкой, вокруг него воспламеняется воздух!

...Отдохнув и пополнив запасы, отряд двадцать шестого июля выступил из Поста Ольги взморьем на север — по колесной дороге, только-только проложенной к заливу Владимира для вывоза имущества с крейсера «Изумруд». Искореженный в цусимской бойне корабль пытался найти убежище и подлататься в заливе, но напоролся на подводные камни и был командой взорван.

Арсеньев подробно исследовал залив и его окрестности. В нескольких километрах от берега побывал в знаменитой Макрушинской пещере, описал ее величественные залы, украшенные роскошными сталагмитовыми и сталактитовыми колоннадами.

В залив Владимира, закрытый для гражданских судов, мне приходилось заходить на пограничных кораблях. Иногда мы стояли у ширсов по многу часов, бункеровались топливом и водой. Я не упускал возможности походить по скалистым берегам внутренних бухт залива. «Изумруда» уже не было видно. То ли морские волны довершили его разрушение, то ли был утилизирован, но память о крейсере тут жива.

Но однажды море вынудило зайти в залив на арендованном для рыбоохранной работы «рыбаке». Надвигался тайфун. Серая мгла напознала на притихшее море, атмосферное давление резко падало. Мы шли со стороны Татарского пролива в Ольгу, ближайшую удобную для укрытия от зюйд-веста бухту. Оставалось около двадцати миль из восьмидесяти, но на траверзе Владимира из-за сильного ветра и высоких волн движение по проложенному курсу стало невозможным. Ступались сумерки. Нам разрешили зайти. Ураган хлестал ливнем и нес водяную пыль и пену, не было видно судовых огней. Локатор показывал сплошную засветку. Мы вошли в залив самым малым ходом, стали искать место для якорной стоянки и едва не напоролись на подводную лодку, стоявшую на якоре. Перед самым нашим носом субмарина врубила прожектор и начала отчаянно сигналить. Капитан рванул реверс на «полный назад» и окаменел. Мы остановились в нескольких метрах от лодки.

...От Владимира путь отряда лежал к верховьям реки Тадушу (Зеркальная).

Третьего августа под отвесной скалой, у теперешнего поселка Кавалерово, экспедиция заночевала. Арсеньев, сидя у костра, заполнял дневник. Вдруг боковая осьпь зашумела, посыпались камни. Казаки схватились за оружие, но в ту же секунду со склона раздался человеческий голос:

— Стреляй не надо! Моя — люди!..

Это был Дерчу из нанайского рода Оджал, лесной житель. Приставив к кедру свою винтовку, он скинул котомку, по-хозяйски подсел к костру, набил трубку табаком, пыхнул раз, другой и углубился взглядом в огонь — слушаю тебя, пришелец! — по тогдашнему обычаю тайги.

Арсеньев заговорить не спешил, изучал туземца. А разглядев, негромко произнес, протянув миску с изюбриным мясом:

— Поешь...

— Спасибо, капитан, — подняв глаза, тихо ответил незнакомец. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Безлунная ночь прошла в разговорах у костра, и два человека поняли: друг другу нужны. И дальше пошли вместе: Капитан и Дерсу Узала — так они стали называть один другого.

В своих книгах первую встречу с гольдом Арсеньев переносит в 1902 год: Дерсу спасает его в жестокую пургу на озере Ханка. Но... в той экспедиции Дерсу не было. Арсеньеву хотелось уже тогда видеть рядом опытного проводника, зоркого следопыта и надежного товарища, и он обогатил повествование художественным вымыслом. Да и полтора года их дружбы — до гибели Дерсу в начале 1908 года — такая малость! Эпизод с бураном на Ханке перенесен и в фильм Акиры Куросавы «Дерсу Узала». Достоверность же первой встречи с Дерсу — в одном из дневников Арсеньева.

На другой день отряд вторично пересек Сихотэ-Алинь — там, где в 1858 году прошел Михаил Венюков, известный русский географ и путешественник, и спустился по Ли-Фудзину (верховья Павловки) к уже знакомому месту — Йолайзе.

ИМПУЛЬСЫ ТАЙГИ

Съехав со Снежной, мы остановились на ночлег на галечном берегу Усури, уже бегущей по долине. Гена, заядлый рыбак, тут же надергал на уху ленков. А за ужином произнес слова, отнявшие у меня покой и сон:

— На Иман махнем? На сплав?

Неделя к неделе — перезвонились, совместили отпуска и в конце сентября, в пору ската хариуса и ленка из верховий в коренное русло, тронулись в путь. Еще месяц назад сплошь зеленый лес ринулся примерять осенние наряды. Подзолотились ясени, подрумянились клены. У Дунькина Пупа, крутой придорожной сопки, пламенно мелькнула рябина. Упавший ночью холодный дождь и зябкий пойменный туман подвели лимонными тенями кроны прибрежных осин. У Варпаховки, испускающего дух сельца, притормаживаем — размять кости. Подходит пожилой человек, спрашивает:

— До Антоновки не подбросите?

— Садись, отец, не в тягость, — по-свойски приглашает Гена.

Слово к слову — разговор. Сан Саныч Разоренов в Варпаховке родился, ни в какие другие места жизнь не заывает. И я не преминул узнать:

— По этим местам до революции проходил Арсеньев с казаками. Ничего от стариков не слышали? Может, ночевал у кого...

— Знаем, что проходил... Может, и говорили чего... Но я ничего такого не слышал, чтоб ночевали... — разочаровывает Сан Саныч. — За рокосовцев знаю. Пошумели они тут...

— Пошумели? Это как?

— Как пошумели? Безобразничали. Почти все штрафники были. Вот по этой самой дороге пришли. Ее в конце войны проложили. Рокоссовцы, значит, по ней в Ольгу шли, перебрасывали их на Сахалин — японцев, значит, бить. Спирту тяпнут — и до девок, а под утро в ставни колотят: молоко им, значит, с белым хлебом подавай. Попробуй не дай! Окна постреляют. Так люди с вечера на заваulinку трехлитровую банку выставляли. И буханку рядом, а то и две. Мама тоже ставила.

— Хватало молока?

— Что надаивали, то и отдавали. А куда деваться?

— А китайцы жили?

— Жили. Фанзы их недалеко от Варпаховки стояли, по распадку, в сопочки. Печки у них из глины были. А вдоль стен — каны. Это, значит, чтоб горячий воздух по ним проходил, спали на них. А дым по плитняковой трубе шел к речке, чтоб, значит, не подымался. Хунхузов боялись. С переселенцами китайцы дружили, но не все. Бабушка сказывала: тащит, значит, китаец куль. «Что несешь?» — останавливает его наш председатель. «Маленький баран, снасит, моя неси», — отвечает и глазом не моргнет. Проверили, а в куле русский ребенок. Убитый. В конце тридцатых их выселили. Куда-то в Среднюю Азию, подальше отсюда...

...На краю Июлайзы отряд разбил бивак. Развьючив лошадей, казаки засобирались на охоту. Арсеньев остался заполнять дневник.

— Капитан... — обратился к нему тихо Дерсу. — Моя не могу сегодня охота ходи. Там, — указал рукой на лес, — помирай есть моя жена и мои дети.

Всю ночь Дерсу просидел у костра в одиночестве, а утром спустился к реке, к большому камню. Когда Арсеньев его разыскал, Дерсу поднялся с земли, произнес:

— Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь раньше живи.

Гольдов покосила оспа. Дерсу соболевал в тайге, это его спасло.

Вечером Арсеньев и Дерсу отправились к крайним фанзам. Дошли слухи, что тазов в Июлайзе притесняют оседлые китайцы, бесчинствуют хунхузы.

Один из тазов шепнул Дерсу: два дня назад китайский суд приговорил к захоронению живьем двух их людей за то, что те из мести убили своего кредитора. Тазы надеялись на защиту. Но Арсеньев вмешаться не мог: китайцы были многочисленны и слишком хорошо вооружены, к тому же, человек военный, он был ограничен в отступлениях от приказов. Но через несколько лет Арсеньев добился разрешения на экспедицию по уничтожению банд хунхузов.

В Антоновке мы остановились, огляделись. Рывтины, валы... Я достал карту. Не бохайское ли это городище, обозначенное археологическим памятником? Не у этого ли ручья ночевал отряд? Не тот ли это камень у реки, где стояли юрта и амбар Дерсу? Хоть что-нибудь из того времени! Ни зацепки. И не у кого спросить. Лишь у нескольких покосившихся домов видно присутствие человека, но на улице никого нет.

Сто лет, сто лет...

...От Июлайзы отряд выступил на север, в горы, по речке Поугоу (Шумная) поднялся в места дикие, разбойничьи: с хунхузами да беглым разношерстным людом.

А мы продолжили путь на восток, по встречным его следам, к перевалу Венюкова.

Двенадцатого августа, охотясь на кабанов, Арсеньев едва не убил Дерсу. Бросился наперерез стаду и потерял гольда из виду. Выстрелив же, услышал стон. К счастью, пуля только скользнула по телу.

По полюгому склону мы поднялись на широкую седловину. На плоской ее хребтине — стела: «Этот перевал прошли: Венюков М. И. 1858 г. Пржевальский Н. М. 1887 г. Арсеньев В. К. 1906 г.» Современные исследователи выяснили: монумент стоит в трех километрах от тропы, где прошли путешественники, и на сто метров выше над уровнем моря. Причина ошибки в том, что русские переселенцы проложили более удобный для телег путь и древняя тропа чжурчжэней заросла. В 1978 году, при установлении памятника, никому и в голову не пришло, что дорога могла сдвинуться на более высокое, невыгодное место.

Фотографируются свадебные пары, летят пробки из бутылок с шампанским. И сами бутылки тоже летят в кусты. Время совершает ошибку: нарушает сокровенную тишину памятных мест разного рода увеселениями. Мы убрали мусор, выбрали момент, снялись у стелы без праздных излишеств.

Оглядывая окрестности с перевала, Арсеньев отметил: вокруг — выгоревший лес. Да, тайги нет, мелколесье. Вырубки и пожары почти извели уникальную Уссурийскую тайгу. Только в 2014 году выгорело восемьдесят тысяч гектаров. Но наверняка официальная статистика недоговаривает...

Но — мчимся!

В Кавалерово, у дороги, отвесная скала. Она! Место первой встречи Арсеньева и Дерсу. Да, да, это она! Не остановились... спешим.

СХОЖИЕ КУРСЫ

Крут Дальнегорский перевал!

Зрелая панорамная осень. Мы — на ее крыльях.

Тепло бабьего лета, ласкавшее с утра, без обиняков сменилось прохладой северных гор. Березы по распадкам спешно скидывают сусальную красу, дубы по холкам сопок облачаются в медные доспехи, готовясь к нашествию холодов. И только кедровые елки неизменны в своем изумруде и даже ярче в снежную пору. Зима им нипочем, горе знают лишь от человеческих рук.

Свои страдания лес скрыть не в силах: только затянет подрост проплешины-вырубки на одном склоне, пилы визжат на другом. Звери, голодая без орехов и желудей, теряя «придомовые территории», отважились этой осенью на крайние меры. Медведи врываются в села и города, штурмуют пасеки и магазины, нападают на людей, тигры во дворах срывают с цепей собак. Их, террористов антропогенного призыва, безжалостно уничтожают спецподразделения. А уж всякой мелочи — зайцев, белок, бурундуков, рябчиков — давно и след простыл. История, ставшая в считанные дни декабря знаменитой на весь мир, — в руку: тигр Амур из «Сафари-парка», хоть и на довольствии, а все ж бережет козла Тимура на самые голодные времена...

Но сверху не все видно.

...Арсеньев поднимался на шестисотметровую высоту перевала по реке, записанной им как «Тютихе» — долина диких кабанов (Рудная), миновав у устья городище империи Цзинь XII века. На всем ее протяжении, заполонив русло, шла на нерест кета, бурлила в «пробках» у порогов. Стада кабанов лезли в огороды туземцев, пожирали посевы. Манзы, отпугивая животных, без прорыва грохотали железом. Но и это не спасало.

На привале, углубившись в лес, Арсеньев открыл для науки новый вид белки — летягу, названную позже его именем: *Pteromy svolansar senjevi* Oq. Дерсу наткнулся на стебли женьшеня, «маячившие» красными ягодами. «Орхода» — так сородичи-гольды именовали корень жизни на своем языке, но Дерсу придерживался

маньчжурского названия — «панцуй». И учил Арсеньева по схожему птичьему возгласу-подсказке находить растение.

Первого сентября Арсеньев с частью отряда перешел Сихотэ-Алинь и спустился к Иману. Обследовав исток, путники повернули к морю и вновь перешли хребет.

В одной из китайских фанз, остановившись на ночевку, едва не погибли. Дерсу краем уха услышал о намерении китайцев убить путников, завладеть их оружием. Знание китайских слов выручило...

Дорога пошла на спуск, живописным водосбором нам открылся Дальнегорск, с дореволюционных времен славный добычей и переработкой свинцово-цинковых руд. Арсеньев видел рудники, оставил о них и о владельце Бринере запись. Нынче высокие трубы полиметаллического комбината — памятник цивилизованному пришествию.

Через три часа, дав крюк, старой лесовозной дорогой мы выбрались к Большой Уссурке — недалеко от места, где побывал Арсеньев, и, не торопясь, начали готовиться к ночлегу и сплаву. Арсеньев же намеревался, достигнув моря, пройти побережьем севернее, до бухты Терней, и от него по реке Дунце (Заболоченная) подняться в горы и пересечь Сихотэ-Алинь еще раз, выйти к истоку Колумбе и вновь спуститься к Иману.

...У залива Пластун Дерсу, обнаружив следы людей, пошел на разведку. Наткнулся на палатку хунхузов. Завязалась перестрелка. Дерсу удалось скрыться, но он едва не погиб в зыбучем болоте. А когда вернулся на бивак, оказалось, что рубаха его прострелена. Одного хунхуза Дерсу подстрелил.

Обойдя стороной опасное место, отряд двинулся к бухте Терней.

Отправив часть отряда морем во Владивосток, Арсеньев с Дерсу предприняли небольшую экскурсию в горы. Начинался октябрь. На второй день похода Арсеньев наколол ногу, ступню разнесло. Надо возвращаться. Но вдруг послышался гул, понесло гарью. С дикой скоростью приближался верховой пал. Мимо оторопевших людей мчались звери, проносились птицы. Густой дым заволок округу, летел пепел. Положение становилось отчаянным. «Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенес через реку», — записал вечером Арсеньев. На галечной косе, намочив палатку и накрывшись ею, Дерсу спас обе жизни.

Тропические циклоны летом и снежные ураганы зимой — обычное дело для этих широт. В конце прошлого века на тернейском берегу лежал на боку выброшенный штормом японский траулер. Он промышлял минтай вблизи приморских берегов. Укрытие от зюйд-оста оказалось ненадежным. Судно сорвало с якоря и выбросило на камни.

Переходя двадцатого октября в последний раз Сихотэ-Алинь, уже без лошадей, налегке, с двумя собаками, путники попали в жестокую пургу. Утром термометр показал минус пятнадцать...

НОЧНЫЕ РАКУРСЫ

Нас шестеро.

На трех резиновых двухместных лодках плывем мимо отвесных скал, густых кедровых лесов на крутых склонах, распадков и долин, выживая на перекатах хариусов, на ямах, из-под корчей — ленков. Прощаясь с теплыми днями, прибрежные ильмы, клены и ясени бросают в воду последние листья. Они плывут бок о бок с нашими поплавками радужным кружевом. Любуясь, не успеваю подсекать рыбу.

А Гена выхватывает одну за другой. Говорит, с удочкой с детства, лет сорок уже, рыбешки к нему сами тянутся.

Ближе к ночи, наедине с костром, живо вспомнился Хабаровск. Я жил в нем дважды: в 1960-м, мальцом, и в 1969–1979 годах. И Арсеньев дважды: с 1905-го по 1918-й и в 1924–1926 годах. И вот ведь! — оба на улице Фрунзе! Там же, в Хабаровске, я впервые услышал о нем. Природоохранную работу я начинал в Амуррыбводе, в 1971-м. Что-то готовили к столетию со дня рождения Арсеньева, из библиотеки вынесли книги, несколько страниц я второпях прочел. Арсеньев запомнился.

Но вскоре случилась неприглядная история.

В 1972 году я приехал по делам во Владивосток, в Приморрыбвод. В его вестибюле ломали перегородки временных, из двадцатых годов, кабинетов. Ждал Тремасова, сотрудника, чтобы поселиться в ведомственную гостиницу на втором этаже. Под ногами валялись ворохи старых книг, карт, исписанных чернилами листов. Коротая время, стал рассматривать этот, уже заляпанный известью, «мусор». На одной карте, сделанной от руки, стояла подпись Арсеньева. Дождавшись Тремасова, показал ему:

— Смотрите, что здесь...

Несколько ошарашенный «открытием», он прошелся по вестибюлю, поднял несколько листов, повертел их в руках, сказал:

— Давай-ка соберем тетради и карты и отнесем в Географическое общество. Это рядом, в соседнем здании.

Мы передали все, что сочли ценным. Дальнейшей судьбы рукописей не знаю, но известно: какая-то часть архива Арсеньева до сих пор не найдена. Вполне возможно, что из вестибюля уже что-то успели выкинуть.

Но откуда тут взялся архив Арсеньева?!

Как бы то ни было, время совершило великую ошибку — не разобралось в своем прошлом, творя будущее. И я стал ее невольным свидетелем.

Одну книгу, написанную адмиралом Геннадием Невельским, — «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России» — я увез с собой в Хабаровск.

В начале 1974 года мне поручили просмотреть небольшое амуррыбводовское профсоюзное книгохранилище, отобрать все до единой книги Александра Солженицына: писателя лишили советского гражданства и читать его запретили. На полках нашел «Дерсу Узала». Арсеньев притянул.

Сколько амурских дорог он исходил! Бира, Кур, Анюй — это только крупные притоки Амура. На всех этих реках я был. И надо же! — в феврале 1909 года Арсеньев прошел по неширокой Синдинской протоке, километрах в ста пятидесяти ниже Хабаровска по Амуру, где спустя восемьдесят лет купили домик мои родители. Приезжая в отпуск, вечерами, уютившись на берегу, ловил чебачков и пескариков, еще не зная об этих его шагах. Дошел Арсеньев и до озера Кизи, до села Мариинско-Успенского (Мариинское), где я учился в пятом классе. И был рядом с Шишлово — ну совсем рядом! — где наша семья прожила больше двух лет. Там, на контрольном пункте связи, был только один наш дом — без электричества, радио, дорожного сообщения. Полевой телефон с ручкой-крутилкой да в навигацию почтовый глоссер — вот и вся связь с «большой землей»...

По-настоящему Арсеньев запал в душу в 1976-м. Кинотеатр «Гигант» — уже в широком формате — прокатывал фильм «Дерсу Узала». За билетами отстаивали по два-три часа, но мне удалось посмотреть картину дважды. Ханкайское «спасение» — один из самых впечатляющих эпизодов. Успех ленты был просто фантастический!

Я бы посмотрел фильм еще. Но где?..

Перекатный голос Большой Уссурки...

Он из того, «иманского», времени. Блеск звезд над головой — тот же, сиянье луны — то же. Нет, не такое уж и непроглядное столетнее время. Оно ошутимо.

Мои спутники спят. Подбрасываю в костер сушняка, придвигаю к пламени котелок с чаем и ягодами лимонника. Заполняю дневник. Да, все так и было сто лет назад, все так и было...

Память об Арсеньеве в Хабаровском крае увековечена: на Анюе — село Арсеньев, в Хабаровске — мемориальные доски. В Приморье — город Арсеньев, Дом-музей Арсеньева, улица Арсеньева, краеведческий музей имени Арсеньева, издательство «Рубеж» впервые издает научное собрание сочинений Арсеньева — в шести томах.

Лет двадцать назад, в безвременье, люди распродавали личные библиотеки. На книжном развале у Дворца культуры железнодорожников посчастливилось купить четыре до дыр зачитанные книги из шеститомного собрания сочинений Арсеньева 1947 года. Мои знания пополнились. В 1981 году, оказалось, я повторил его морской путь на Камчатку 1918 года: Владивосток — Японское море — Сангарский пролив — Курилы — Петропавловск-Камчатский. Правда, в моем маршруте был сбой: рыбомучная база «Алексей Чуев» прошла мимо японского порта Хакодате, где Арсеньев останавливался на несколько дней. Но с ее высокого мостика я наблюдал город в бинокль.

Ухнул и затих над рекой рыбный филин. Птица редкая, но я знаю ее голос. Из темноты насаждает холод. Я втащил в огонь пару сырых валежков, костер недовольно зашипел, съежился и, уняв жар, перешел на дежурную ночную вахту.

ЖУТКИЕ НЕВЗГОДЫ

...Снежный ураган повалил полосы леса. Путники вязли в метровом снегу, в буреломе. Наконец двадцать третьего октября показалась Колумбе. Пошли по припаю. Обтрепанная одежда едва грела. Выручали туземные фанзы — в них ночевали, сушились, подлатывали тряпье, обувь, кормились...

Трое суток мы плыли по Большой Уссурке. Но всего речного пути Арсеньева не прошли. Собирая валежник, я всматривался в буреломы, не раз встречавшиеся и на моем пути. Перед глазами вставал и внезапный мороз, и десятки километров пути Арсеньева и Дерсу по сугробам. Я не мог поверить, что из такого кошмара можно выбраться живым. Но исход был известен.

В последнюю ночь, вновь приподнявшись у костра, услышал за рекой призывный человеческий голос — гортанный, жуткий. С затаенным дыханием, вперив глаза в темноту, пытался хоть что-то разглядеть, вздрагивая от каждой тени, брошенной костром, но за границей света ночь делалась непроглядной. До боли в ушах напрягал слух — голос не повторился. Посидев еще немного, полез в палатку, но сон долго не шел.

Гена сказал утром, что тигр, однажды услышав человеческий голос, может повторить его. Приманить изюбра ему проще простого. По словам Дерсу, тигр не боится огня и смело подходит к биваку, если на нем тихо. Но зачем подзывать человека?..

...Наступил ноябрь. Удэгейцы из Сидатуна (Мельничное) взялись подвезти ходяков на лодке. В пути ее затерло шугой, перевернуло, люди едва не погибли. Ушла на дно винтовка, унесло съестные припасы. Удэгейцы вернулись. Три дня путешественники добирались до жилья, питаясь несколькими найденными рыбьими головками, недоеденными медведем. Еле волоча ноги, дошли до Сан-ши-хезы (Островной), миновав урочище Лаолу, в 1972 году ставшее селом Дерсу, теперь нежилое.

Переночевав, двинулись к большому китайскому поселку Картуну (Вострцево). В зажиточных фанзах путников встретили враждебно. Дошел слух: Арсеньев сочувствует бедноте — удэгейцам, работающим на китайцев. Спали бы на морозе, да снова выручил Дерсу, унохав за поселком печные дымки удэге...

В Востречово лет десять назад меня привел мед. Для газеты «Утро России» надо было написать очерк о бедствиях приморских пчеловодов — повсюду нещадно рубили липу. Уничтожались лучшие медоносные леса планеты.

Пасека — выше села по реке, километрах в пяти, на утесе с террасой. Пожив несколько дней среди ульев и закончив сбор материала, пошел знакомиться с лесом, рекой. Большая Уссурка в этих местах нередко сжата щеками, стремительна, сноровиста, обильна заломами и крутыми излучинами. Стоя высоко над водой с книгой Арсеньева, спроектировал на местность его путь. Попросил у Никанорыча, хозяина пасеки, оморочку и пустился в рискованное плавание до села — по следу Арсеньева. Можно было бы сказать: «Это был подлинный экстрим!», если бы эта дорога не была столь трагичной для Арсеньева и Дерсу.

...К вечеру следующего дня путники дошли до Котельного, русского селения. «Хозяева избушки оказались очень радушными. С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба!» — записал Арсеньев.

Последний переход. До железной дороги двадцать три километра. Изношенные перчатки не греют, пальцы не слушаются, но Арсеньев произвел свою работу — съемку местности — до конца. За две версты до станции — передышка. И тут Дерсу впервые обратился за помощью: попросил оставить ему патроны.

— Дерсу, не уходи... — тихо проговорил Арсеньев.

— Моя город жить не могли...

— Прощай, Дерсу, — крепко пожал руку гольда Арсеньев. — Спасибо за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал!.. Семнадцатого ноября вечером Арсеньев поездом прибыл в Хабаровск.

Счастливые минуты и тягостные лишения чередовались в походах Арсеньева, как день и ночь, но, свершившись, они положили начало новой, арсеньевской, эпохе в планомерном обширном изучении Дальнего Востока, принесшем Владимиру Клавдиевичу мировую славу путешественника, географа, топографа, биолога, этнографа, писателя.

ТРОПЫ И ГОДЫ

В 2006 году, в столетие самой крупной арсеньевской экспедиции, Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ПКО ВОО ВООПИиК) задумало повторить начальные сто километров маршрута 1906 года — от станции Шмаковки до Марьяновского городища чжурчжэней. Решили собрать отряд из двадцати одного человека.

Увидеть, а главное, почувствовать, как начинался этот тяжелейший поход — разве не удача? Я был счастлив узнать о приглашении.

Любовь Сербинович, руководитель Кировского регионального отделения общества и главный «комплектатор походной роли», сумела подобрать тех людей, в чьих сердцах поход останется навсегда. Педагоги, школьники, творческие люди в первый же час сборов сплотились в дружную семью. И до конца ею остались.

Выступали из Шмаковки. К вокзалу со стороны Хабаровска подошел символический поезд (конечно, настоящий), из него вышел... Арсеньев. Восторг потряс перрон! Все, как сто лет назад. Торжественное напутствие главы Кировского района Юрия Ивашко — и поход начался.

Мы шли, заботливо опекаемые Любовью Николаевной, четверо суток — по полям, лесам, болотам, переходили вброд реки, купались в Лotosовом озере. Пели

под гитару песни, рассказывали стихи, фотографировались, жгли «пионерские» костры, поднимались на скалы. И конечно, заглядывали в книги Арсеньева: вот тот камень, вот та тропа, вот тот ручей. А вот, в Межгорье, тот колодец — сто пятьдесят четыре года! — с ведром, отклепанным кованым обручем, изрядно потускневшим, из толстой оцинкованной жести. Очень хочется верить, что Арсеньев тоже пил из него воду. Нам показали дом, где он с казаками заночевал. В старой рубленой избе, ставшей музеем, — русская печь, угольные утюги, ведерные самовары, прялки-вя-залки. Все, как в 1906-м. Смотрим, трогаем, не дышим...

Каюсь, кроме газетного очерка, я ничего об этом путешествии не написал. Лариса Тимохина, журналист, рекомендовавшая меня в поход, и Наталья Полозова, председатель ПКОО ВОО ВООПИиК, утвердившая мою кандидатуру, наверняка ждут книгу. Я и сам в догадках, почему ее до сих пор нет.

2010 год — и того круче.

Готовиться к новому путешествию — на Камчатку — я начал с февраля, как только солнце приструнило морозы. Приспособил рюкзак под пятнадцать литров воды и ежедневно, подливая по полстакана, отправлялся по бугристым владивостокским улицам. Заручился поддержкой Общества изучения Амурского края, краеведческого музея имени Арсеньева, краевой библиотеки имени Горького. Почитал в Географическом обществе еще неопубликованные арсеньевские дневники.

На полуостров прилетел в середине июня. Нарождалось тихое солнечное — совсем не северное — лето. Пышно зазеленели леса, запели птицы. Авачинская и Корякская сопки мирно спали. Отправиться из Петропавловска-Камчатского пешком: Мильково — Кирганик — Козыревск — Ключи — Усть-Камчатск — ничто не мешало. Так, но в обратном порядке, прошел Арсеньев в 1918 году.

Его неочевидные следы могли быть в Мильково, в церкви, в нее Арсеньев заходил, мог оставить запись. Священник разочаровал: все церковные книги уничтожили в тридцатые годы, а сам он ничего об этом посещении не слышал. В библиотеке тоже ничего особенного найти не удалось.

Ключи!

Здесь прошли первые восемь лет моей жизни. В родном поселке не был ровно полвека. Двадцать четвертого августа 1918 года Арсеньев останавливался в начальной школе на краю поселка, где я учился в первом классе. Мне казалось, даже следы на пепельном берегу реки — его, а не медвежьи.

В школе, собрав жителей, Арсеньев рассказал о переменах в стране, расспросил о быте, промыслах, традициях. Для переселенческого управления написал о Ключах: «Небольшая жалкая деревушка имела 77 дворов; всего 420 человек, коренных жителей — 310, приписавшихся — 85, корейцев — 16, китайцев — 8, айнов — 1. Клубы дыма из кратера взлетают на версту. По склону сбегает лава, и катятся гигантских размеров раскаленные камни». Арсеньев пробыл в Ключах сутки и продолжил путь вверх по реке Камчатке.

Меня родина встретила синим небом, теплом, покоем. Вошел в поселок с незнакомой мне стороны, но дорожный указатель — «Ключи» — сделал свое дело: сердце заколотилось. Лишь в центре «узаконилось» детство: я начал узнавать постройки и приметы: продмаг... клуб... горка Восьмушка... Вон за тем поворотом вот-вот покажется рядок тополей. И в мыслях не было, что тополя, посаженные у дома отцом, могли погибнуть. Они — главный маячок! Изгиб дороги прикрыт деревьями, и каждый шаг может распахнуть единственную в мире земную крапинку внезапно. Сердце, не жалея ни себя ни меня, рвалось наружу, а на веки накатывались слезы. Накатившись, они не падали и не нарастали, просто застыли жемчужинами, сотворив хрустальный мир детства...

Живы тополя! Все семь живы!

Тепло родины — во всем. Дух огненных гор — благосклонен. Из почти пятикилометровой белоснежной конуса Ключевской сопки — главного живого вулкана Евразии — ни дымка. Равнобедренные, подобно египетским пирамидам, ее очертания безукоризненны и могли бы хранить ту же мудрость, если бы не взрывной характер. И вулканы-соседи — Камень и Безымянный — тоже мирно сияют вершинами. А как потряс планету Безымянный в 1956-м! Только Везувию такое под силу. Я помню этот страшно черный мартовский день. Теперь тихо. Лишь южная фумарола Шивелуча исходит курчавым парком. Самую малость. Никакого недружелюбия в этом дыхании нет.

На нашей стороне облик поселка мало изменился. Школа осталась. Землянки стоят, правда пустые. Дранковые крыши срубов — как бы не времен Атласова (поселку около трехсот лет) — истлели, зацвели мхом. А вот соседка, тогда Светка, а теперь Светлана Дерендяева, живет на том же месте.

Но людям — худо. Леспромхоз закрылся, катера ржавеют на суше, дрова — за двести километров, их цену впору выставлять за килограмм. С кижучем дела и вовсе запаршивели: коряку хоть в прорубь сигаи — не может юколы на зиму засушить. Уже в Усть-Камчатке узнал: бригады рыбаков работают на Москву, процеживают реку в устье до последнего хвоста.

Ну а одночисленному айну род продлить, конечно, не удалось...

ОКНО И ПЛОТНИК

На работу во Владивосток я переехал в 1979 году. С тех пор с трехэтажным особнячком на Петра Великого, 2 связаны двадцать лет моей жизни. Сюда возвращался из морских рейсов, сюда приходил по утрам на работу. Со второго этажа, из своего кабинета, часто спускался в комнатушку-столярку. Присаживался к старинному столу, уже верстаку, закуривал. Рождались картины далекого времени. Через единственное полуподвальное окно глядывался в корабли, в синеющий за гладью пролива Босфора Восточного остров Русский — там начиналась служба Арсеньева на Дальнем Востоке. И не верилось в легкость единения с прошлым: не музейным, а продолжением дела, которому он служил, будучи в 1918–1924 годах инспектором рыболовства (мне удалось найти приказ о зачислении на должность), а через полвека был приобщен к этому делу и я.

При моей разъездной природоохранной работе образ Арсеньева то отдалялся, то вдруг возникал на вроде бы голом месте, играя чудесными гранями: я оказывался — и даже след в след — в каких-то «его» местах. И представлялось порой: миг еще — и приоткроются тайны из непростого для Арсеньева времени.

Но шел день за днем, а закопченный потолок с витой, на роликах, старой электропроводкой, пожухлая, с коростами многослойной эмали рама, наполовину вросшая в насыпь улицы, истертые подошвами половые плахи молча несли свой крест... Убогость, паутина, хлам... И только высокая, из двух створок дверь теплилась живой искоркой — поблескивала отполированной множеством ладоней массивной бронзовой ручкой, сохранявшей, по моим ощущениям, тепло рук...

В годы инспекторской работы Арсеньев не прекращал научной деятельности, по-прежнему совершал путешествия, все чаще подумывал о написании художественных книг. После изнуряющих походов возвращался в свою небольшую квартиру, служившую и кабинетом. Находил утешение в новой семье, разбирал дневники, гербарии, чертил карты, писал статьи, готовил лекции и научные сообщения. В 1921 году родилась его первая книга — «По Уссурийскому краю», — восхитившая не только Горького, но и весь читающий мир.

Однажды в столярку я принес на ремонт стул. Старичок столяр, родившийся задолго до 1930 года, оборвавшего жизнь Арсеньева, был интересным собеседником: много знал об истории особняка, о его внутренней жизни. Как-то сказал:

— В этой комнате жил Арсеньев.

Сердце мое... замерло.

Дрожащий холодок пробежал по вискам.

О моих долгих переживаниях плотник знать не мог. Его слова стали самым приемлемым и, наверно, единственным на них ответом.

И я поверил.

Глядя на мое взволнованное состояние, столяр смутился, будто ляпнул что-то лишнее. Не знаю зачем, но я переспросил:

— Тут... жил?

— Да, жил...

Судьба Арсеньева после его смерти доставалась мне по крупицам. В мемориальном Доме-музее его имени несколько лет назад прочел копию статьи из приморской краевой газеты «Красное знамя» за 1931 год. Арсеньева, бывшего царского офицера, обвинили в великодержавном шовинизме, шпионаже и надолго вычеркнули из истории, семью репрессировали. Жену Маргариту расстреляли, дочь Наталья, отбыв десятилетний срок, вернулась, но жизнь ее была загублена, в пятьдесят лет она умерла.

Не просто так смутился плотник.

КРАСНАЯ ЗАКЛАДКА

Арсеньев, Дерсу...

Что значит их жизнь для нас, живущих на земле, беззаветно любимой и всеми силами сберегаемой ими? Любимой — потому что один родился и вырос на ней, иной земли не видел и не знал, другой — долго мечтал о ней, обрел, принял всем сердцем, приоткрыл миру тайны ее первозданной красоты — чистой, настороженной.

От шепота огня, журчания речки, шорохов леса, того самого голоса природы, что слушали Арсеньев и Дерсу, просветлевает душа. Может, потому и рвется она в дикий мир за чистым голосом прошлого, чтоб принести его в настоящее и нацелить в будущее — так же, как передается из поколения в поколение родной язык.

Я вернулся.

Спускаюсь по склону Орлиного гнезда, сопки, усеянной новостроем. Миную памятник Сергею Лазо, сместившему с пьедестала белого генерала Завойко, героического защитника Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Прохожу через Триумфальную арку, возведенную в 2003 году на месте разрушенных в 1927-м Николаевских Триумфальных ворот. И подхожу к невысокому строению-уголку. На эту его сторону, под тенистые кроны ильмов, и выходила дверь квартиры Арсеньева.

Нет уже той двери.

Нет и бронзовой ручки с искоркой. Я крепко пожимал ее, входя в столярку, когда узнал от плотника, чья рука к ней прикасалась.

И внутри все переделано.

И никто уже не помнит, что здесь жил Арсеньев.

И никаких следов его пребывания...

